TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ALUSTATUD 1893. a. VIHIK 104 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ В 1893 г.

ТРУДЫ ПО РУССКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

IV

ОБСУЖДЕНИЕ НОВЫХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ О ПЕЧАТИ В РУССКОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ 1862 ГОДА И ГАЗЕТА «СОВРЕМЕННОЕ СЛОВО».

Канд. филол. наук П. С. Рейфман

1.

Среди периодических изданий начала 1860-х годов газета «Современное слово» занимала далеко не последнее место. Она высоко оценивалась прогрессивными кругами, ожесточенно преследовалась реакционной прессой и правительством. В начале июня 1863 г. газета была запрещена за неоднократное опубликование слов, не пропущенных цензурой, и за вычеркивание слов, цензурой утвержденных. При этом печатались осуждения самодержавия, монархического образа правления, выбрасывались же похвалы царской фамилии, известия об ее великодушии, благотворительности и т. п. Донося петербургскому военному генерал-губернатору А. А. Суворову о результатах следствия по делу о «Современном слове», петербургский обер-полицмейстер И. В. Анненков сообщал о редакторе газеты, Н. Г. Писаревском: «он давно уже обратил на себя внимание своею крайнею неблагонамеренностью. Мне говорили, и ныне это фактически подтвердилось, что в статьях, присылаемых к нему для помещения в его газете, он выискивает места, имеющие противоправительственный характер, и усиливает выражения; в других статьях он преднамеренно извращает смысл и сообщает таким образом целой статье укорительный и обличающий тон. Что же касается до статей, принадлежащих Писаревскому, то они достаточно хорошо известны вашей светлости по их возмутительной самонадеянности и неуважению к существующему порядку». 1 В материалах следствия о «Современном слове» указывалось, что редакция виновата не только в том, что, помимо цензуры, вставляла и изымала отдельные слова и фразы, но и в том, что все направление газеты враждебно существующему порядку 2 . В отчете цензурного ведомства за 1863 г. подчеркивалось, что «направление ее (газеты — Π . Р.) было исключительно отрицательное в сфере внешней и внутренней политики». 3 В литературоведении говорилось о прогрессивности «Современного слова», о важном значении его в истории русской демократической журналистики. Ю. Г. Оксман

¹ А. И. Герцен, Полн. собр. соч., Пг., 1920, т. 16, стр. 397. В примечании М. К. Лемке к «Россиаде» Герцена, где сообщалось, среди других известий, о запрещении «Современного слова», приводится материал, дающий некоторое представление об оппозиционности газеты Писаревского и причинах ее запрещения. В новом 30-томном издании сочинений Герцена соответствующее примечание так сокращено, что оно не дает никакого представления ни о газете «Современное слово», ни о том, почему она была запрещена (см. А. И. Герцен, Полн. собр. соч., т. 17, 1959, стр. 422). ² См. ЦГИАЛ, ф. 775, оп. 1, № 151.

³ Там же, № 1, л. 122 об.

в примечаниях к воспоминаниям Е. М. Феоктистова прямо называет Писаревского редактором «радикального «Современного слова» 4 Однако до настоящего времени «Современное слово» изучено очень мало. Более того, в некоторых работах встречаются ошибочные утверждения о либеральном направлении «Современного слова». Так характеризуется в сущности это издание в примечаниях к письмам Салтыкова-Шедрина. Рассказывая о безуспешной попытке Щедрина добиться разрешения на издание «Русской правды», комментатор сообщает, что повод отказа был чисто формальным, так как в это время «были разрешены издания лицам более благонадежным: А. А. Краевскому — газеты «Голос» <...> и Н. Писаревскому — газеты «Современное слово» 5. Конечно, нельзя опровергнуть утверждения, что Щедрин казался правительству и был на самом деле менее благонадежным, чем Писаревский. Но смысл примечания состоит вовсе не в этом утверждении, а в стремлении противопоставить «Русской правде» «Голос» и «Современное слово», которые комментатор считает изданиями одного, либерального, благонадежного и не опасного для правительства направления. На самом же деле нет никаких оснований ставить «Голос» и «Современное слово» в один ряд. Причины их разрешения были совершенио различными, и появление «Coвременного слова» объясняется вовсе не большей благонадежностью Писарев-

ского, а как раз недоверием властей к нему.

Как либеральное характеризуется это издание и в справочнике «Русская периодическая печать». После сообщения о том, что «Современное слово» — «либеральный орган», здесь приводятся выдержки из программных заявлений редакции, а затем делается вывод: «В условиях наступления реакции даже эта небольшая оппозиционность, не выходившая за рамки либерализма, вызвала недовольство официальных кругов, и 2 июня 1863 г. газета была закрыта по распоряжению Александра II» 6 На самом же деле программные заявления редакции еще ничего не доказывают: между положениями официально утвержденной программы и фактическим направлением издания могла быть огромная разница, и утверждать что-либо о направлении газеты Писаревского можно лишь познакомившись с ее содержанием. Достаточно вспомнить, что направление «Современника» в эти годы его противники из либерального лагеря в демагогических целях старались представить иногда также либеральным, ничем не отличающимся от их собственного, исходя как раз из программных заявлений редакции «Современника». Так, в «Отечественных записках» «Современнику» адресовался упрек, что он слишком громко кричит о своей прогрессивности и в то же время «очень скромно излагает свою программу, напомнившую нам другую скромную программу «Современного слова» 7. Уже само это сопоставление «скромности» программ «Современника» и «Современного слова» весьма симптоматично. Оно заставляет с еще большей осторожностью подходить к оценке направления газеты Писаревского по ее программным заявлениям. Характерно, что их не принимала всерьез реакционная и либеральная журналистика 60-х годов, полемизировавшая с «Современным словом». Так реакционный публицист Громека, основываясь на программных заявлениях газеты Писаревского, делая вид, что он не понимает, в чем разница между направлением «Современного слова» и «Отечественных записок», в намекал в то же время, что подобным программным заявлениям отнюдь нельзя верить: «Сначала мы думали, что программа ее не договорена, что некоторые аккорды разыгрывались, по собственному ее выражению, в «четыре руки», другими словами мы думали, что нежелание насильственных переворотов, вера в правительство и отрицание

 $^{^4}$ Воспоминаия Е. М. Феоктистова. За кулисами политики и литературы, $\bar{\Pi}$., 1929, стр. 356.

 ⁵ Н. Щедрин. Полн. собр. соч., т. 18, М.—Л., 1937, стр. 417.
 ⁶ Русская периодическая печать (1702—1894), М., 1959, стр. 431.
 ⁷ Отечественные записки, 1863, № 2, Совр. хроника, стр. 211.

 $^{^{8}}$ Вспомним, что то же самое в «Отечественных записках» говорилось о «Современнике».

реакции вставлены так, для красоты слога, для «цензурных приличий». ⁹ Правда, далее Громека утверждал, что он ошибался и даже сближал «Современное слово», с целью дискредитации его перед читателями, с реакционной правительственной газетой «Северная почта». ¹⁰ Но сам намек об игре

«в четыре руки» был крайне многозначительным. Можно утверждать, что «Современное слево» с самого начала своего существования примкнуло к демократическому лагерю русской журналистики. Более того, само появление новой газеты объясняется оппозиционными взглядами ее издателя Николая Григорьевича Писаревского (1821—1895). Полковник Писаревский, окончивший в середине 40-х годов академию генерального штаба, был талантливым и разносторонним человеком. Занимаясь геодезией и военной топографией, он интересуется физикой, издает в 1852 году популярную «Общепонятную физику», появление которой с сочувствием было отмечено на страницах «Современника». 11 В «Современнике» же Писаревский публикует совместно с M. С. Хотинским статью «Светопись и ее современное состояние» 12 . Как указывается в книге Π . Д. Белкинда о Яблочкове, с 70-х годов Писаревский плодотворно занимается электротехникой и телеграфией, руководит прокладкой кабеля через Каспийское море. Он становится основателем и первым директором телеграфного училища и электротехнического института в Петербурге, одним из крупных русских специалистов по электротехнике и телеграфному делу. 13 В конце 50-х — в начале 60-х годов Писаревский активно выступает и в области литературы, журналистики. В 1858 г. он выпускает брошюру «Трактаты о литературной собственности». Известно, что в 1856 г. Писаревский бывал у Герцена, получил разрешение переиздать в России сочинения Герцена 14. В начале сентября 1861 г. в его руки переходит редактирование газеты «Русский инвалид», издававшейся при военном министерстве. Уже в первом номере, вышедшем под руководством Писаревского (№ 191), напечатано заявление о том, что отношения редакции с военным министерством основаны на коммерческой почве, что лишь военные статьи составят официальный отдел, во всех же других вопросах редакция будет действовать независимо, согласно своим убеждениям. Итак, с самого начала Писаревский старался четко отграничить неофициальную часть газеты от официального отдела. И действительно, слова программного заявления не остались только словами. Неофициальная часть «Русского инвалида» иногда выражала не только независимые убеждения редакции, но и противоречила официальной части. Исследователи неоднократно указывали, что именно в это время содержание «Русского инвалида» становится более прогрессивным, значительным, интересным 15. И уже, видимо, в этот период в правительственных кругах складывается неблагоприятное представление о Писаревском, которое отразилось позднее в вышеприведенном отзыве генерала Анненкова. Во всяком случае разрешение в 1862 г. газеты «Современное слово» связано именно с таким представлением: нужно было отделить «неблагонамеренный» материал, изъять его из «Русского инвалида», связанного с военным министерством. Именно таким образом объяснял появление «Современного слова» министр внутренних дел Валуев, хорошо

9 Отечественные записки, 1862, т. 144. Совр. хроника, стр. 48—51.

¹⁴ Современник, 1913, кн. 6, стр. 9.

¹⁰ Такой прием был также характерен для либеральной критики 60-х годов. В частности, его обращали и против Чернышевского.

¹¹ Современник, 1852, № 2, Библиография, стр. 71—81; там же, 1854, № 7, Библиография, стр. 18—19.

12 Современник, 1852, № 7, Науки и художества, стр. 1—38.

13 См. Л. Д. Белкинд, Павел Николаевич Яблочков, М.—Л., 1950,

¹⁵ См., напр.: К. Оберучев, Столетие «Русского инвалида», Киевская мысль, 1913, 1 февраля, неподписанную заметку, принадлежащую, видимо, перу того же автора, Юбилей «Русского инвалида», Голос Москвы, 1913, 1 февраля; М. Лемке, Эпоха цензурных реформ, Спб., 1904, стр. 220—221.

знавший, конечно, сущность вопроса: «поводом к самому возникновению ее (газеты – П. Р.) было неблагонамеренное направление, данное ее издателем официальной военной газете «Русский инвалид». Издание «Современного слова» разрешено с тем, чтобы, не нарушая заключенного на счет издания «Русского инвалида» контракта, отделить, по крайней мере, вредные литературные писания от неофициальной части газеты» 16. Гаким образом вовсе не либеральный характер будущего издания, как указывается в примечаниях к 18 тому сочинений Салтыкова-Щедрина, а причины совершенно противоположные явились доводом в пользу разрешения новой газеты. Она начала выходить с 1-го июня 1862 г. и сразу же удостоилась неблагосклонного внимания правительственных кругов, лиц, обладавших властью и влиянием. Характерно, что уже 2-го июля, всего через месяц после появления № 1 «Современного слова», министерство внутренних дел, упоминая о временном запрещении «Современника» и «Русского слова», утверждало, что «в настоящее время кажется <...> ту же самую меру надлежало бы принять в отношении к газете «Современное слово» 17, что содержание ее, по сравнению с прежней неофициальной частью «Русского инвалида», «не только не изменилось, но обнаруживает еще более систематическое старание противодействовать видам правительства и возбуждать умы против настоящего общественного порядка» 18. Следует отметить, что руководители министерства внутренних дел пришли к подобным выводам не только по собственной инициативе. В книге Н. П. Барсукова «Жизнь и труды М. П. Погодина» приводятся слова А. Н. Муравьева, брата известного Муравьева-вешателя, из его письма к одному «влиятельному лицу», наполненного выпадами «против наглости наших писателей и вольности нашей цензуры»: «Я уже писал из Киева и графу Строганову и министру внутренних дел о несвоевременных выходках «Современного слова», которое повсюду старается распространить обзор всех конституций и свои на них либеральные взгляды. Министру я напоминал даже о долге, присяге, которая заставляет нас быть верными самодержавию, доколе стоит оно на Руси, и не допускать так бессовестно его колебать...» 19

Характерно, что реакционная и либеральная печать 60-х годов рассматривала «Современное слово» как типично «нигилистическое» издание, критиковала его в плане той общей полемики, которая велась с революционнодемократическими журналами. Так, в «Современной хронике» «Отечественных записок» (1863 г., № 2) «Современное слово» ставится в ряд с демократическими изданиями «Современник» и «Очерки», как газета одного с ними направления. Выискивая частные расхождения, разногласия в изданиях этого лагеря, хроникер «Отечественных записок» стремился доказать на основании таких расхождений непоследовательность взглядов «нигилистического» лагеря, отсутствие среди них единства. Характерно, что сообщение о разнице некоторых оценок в «Современнике» и «Современном слове» дается под названием «Новый раскол в нигилизме по поводу комедии г. Устрялова «Слово и дело» ²⁰. Весьма любопытны и отзывы о «Современном слове» А. Григорьева в цикле статей «Журнальный мир и его явления», печатавшихся в 1863 г. в журнале «Якорь». В своих статьях А. Григорьев резко осуждает критическое направление в литературе, революционно-демократическую журналистику. По мнению автора, отрицательное направление в литературе, бывшее прежде необходимым, подрывавшее основы всякого безобразия, изжило себя, превратилось в анахронизм при новых условиях жизни. По А. Григорьеву, «отрицание потеряло свой героический характер» и скоро исчерпает себя до

 $^{^{16}}$ П. С. Усов, Цензурная реформа в 1862 году, Вестник Европы, 1882, № 6, стр. 167. См. также М. Лемке, Эпоха цензурных реформ, Спб., 1904, стр. 222.

¹⁷ Там же. ¹⁸ Там же.

¹⁹ Н. Барсуков, Жизнь и труды М. П. Погодина, т. 18, стр. 68. 20 См. Отеч. записки, 1863, № 2, Соврем. хроника, стр. 187.

дна; писателей же критического направления «отрицание решительно кастрировало $<\ldots>$ и лишило органов сочувствия к жизни» $^{21}.$ В свете подобных высказываний не удивительны многочисленные желчные и резкие выпады А. Григорьева против Чернышевского, Добролюбова, Антоновича, «Современника», «Русского слова», «Искры». Так, А. Григорьев утверждает, что Чернышевский и Добролюбов превратили «Современник» в «социальную конюшню» ²², что «Искра» успела «опоганить гласность» ²³, что революционно-демократическая и крайне реакционная печать одинаково вредны для общества. И осуждая весь лагерь «отрицателей», «нигилистов», А. Григорьев неоднократно включает в него «Современное слово». 3-я статья цикла «Журнальный мир...», названная «Порода лихачей», специально посвящена «Современному слову». Именно в этой статье А. Григорьев подробно развивает свой взгляд о неправомерности и несвоевременности отрицательного направления. «Современное слово», по утверждению Григорьева, всеми силами стремится не только не отстать от других революционно-демократических изданий, но и «перескакать» их: «И вот — чудовишные сатурналии совершаются во имя прогресса, на радость В. И. Аскоченскому, которому эти сатурналии подают повод к иного рода и иного цвета, но тоже выгодным сатурналиям» ²⁴.

А. Григорьев прямо и недвусмысленно объединяет «Современное слово» с «Современником», указывая, что «Современному слову» надобно по-настоящему стать такою же служебною газетою для Современника, как Московские ведомости для Русского вестника» ²⁵ Конечно, характеристика А. Григорьева несколько полемично заострена. Мы вовсе не утверждаем, что направления «Современника» и «Современного слова» целиком тождественны. Важно здесь другое: современники воспринимали газету Писаревского, и так оно было на самом деле, в ряду изданий демократического лагеря. «Современное слово» и «Домашняя беседа» Аскоченского, по их мнению, — это два

противоположных полюса русской журналистики.

Характерно, что ходили даже слухи, будто в «Современном слове» участвуют сотрудники «Современника», которые в начале 1863 г. перешли в «Очерки», будто бы автор статьи «Кто виноват?», опубликованной в «Современном слове» — «батюшка» «Очерков» 26. Редакции «Очерков» пришлось даже выступить со специальной статьей, направленной против Громеки, распространявшего эти слухи 27. Не случаен, возможно, и тот факт, что подписчики демократических изданий «Век» и «Очерки» были переданы по прекра-

щению этих изданий «Современному слову».

Приведенные материалы позволяют с достоверностью утверждать принадлежность «Современного слова» к демократическому лагерю русской журналистики 60-х годов. Но прежде всего об этой принадлежности свидетельствует само содержание газеты, особенно при сопоставлении его с содержанием других периодических изданий. Защита «нигилистов», резкая критика слухов о «поджигателях», выступления в духе «Современника» о романе Тургенева «Отцы и дети», разоблачение наступающей реакции, замаскированное осуждение правительственных реформ, полемика с реакционными и либеральными изданиями, выражение солидарности с «Современником» и «Очерками», отклики на войну Севера с Югом в Америке, на движение гарибальдийцев, на события в Польше — все это выражало демократическое направление «Современного слова».

Следует помнить и о том, что газета Писаревского выходила в «трудное время». Во 2-й половине 1862 г. она была единственным периодическим изда-

²¹ Якорь, 1863, № 12, стр. 227

Tam жe, № 6, ctp. 102.
 Tam жe, № 2, ctp. 21.
 Tam жe, № 12, ctp. 227.
 Tam жe, № 6, ctp. 102.

²⁶ См. фельетон «Современного слова», 1862, № 126, 4 ноября.

²⁷ См. «Ответ имеющей родиться 1-го января 1863 г. газеты «Очерки» г-ну Громеке из чрева матери», Искра, 1862, № 42, 2 ноября, стр. 557.

нием домократического лагеря, что увеличивало роль ее выступлений и свидетельствовало о стойкости убеждений редакции, сумевшей в трудных условиях реакции сохранить верность лучшим идеям периода революционной ситуации. То, что «Современное слово» — ежедневная газета, определяло в известной степени специфику его содержания. Редакция вынуждена была помещать довольно большое количество официальных и полуофициальных сообщений, которые ежемесячные издания не публиковали. «Современник», например, мог выражать молчанием свое неодобрение действиям правительства в Польше. Для ежедневной газеты такая тактика была совершенно невозможной. Поэтому в «Современном слове», так же как и в «Очерках», встречается сравнительно большее количество официального материала. Но не он выражал направление газеты. В то же время специфика ежедневно выходящего издания, заставляя редакцию касаться всех злободневных вопросов и выражать о них свое мнение, приводила к особой остроте содержания демократических газет, большей даже, чем в журналах того же лагеря, ставивших вопросы более основательно и фундаментально. Не случайно власти считали, что ежедневные издания должны подвергаться особенно строгой цензуре 28 Не случайно демократические газеты столь быстро прекращали свое существование.

В предлагаемой статье вовсе не ставится задача дать всесторонний обзор «Современного слова». Подобный обзор не уместится в рамках одной журнальной статьи, которая является только заявкой на такого рода исследование. Предметом изучения явились лишь выступления газеты о преобразовании цензурного законодательства. Но сам этот вопрос в 1862 г. был далеко не частным, о нем высказывали свое мнение буквально все периодические издания, отражая в решении его свою общую позицию. Поэтому анализ оценок «Современным словом» новых постановлений о печати служит существенной деталью для выяснения направления газеты.

2.

В 1862 г. в русских периодических изданиях оживленно обсуждался вопрос о преобразовании цензуры. Правительство, подготавливавшее цензурную реформу, разрешило в какой-то степени такое обсуждение и даже само призвало к нему. В январе 1862 г. министр просвещения обратился к редакциям газет и журналов с предложением представить ему особые письменные мнения о желаемых цензурных преобразованиях ²⁹. В № 51 «Санктпетербург ских ведомостей» (13 марта) была напечатана официальная заметка «Преобразование цензурного управления». В ней сообщалось о намерении правительства провести цензурные реформы, об учреждении особой комиссии для подготовки их проекта. В № 66 той же газеты (23 марта) появилось известие о первом заседании новой комиссии, состоявшемся 19 марта, об ориентации ее на введение карательного цензурного законодательства и о том, что комиссия приглашает литераторов высказывать свое мнение по обсуждаемому вопросу. «Комиссия приглашает литераторов и редакторов периодических изданий сообщать ей свои мысли и соображения по вышеозначенным предметам. Она выражает также желание, чтобы литература наша несколько ближе ознакомила публику с вопросами, относящимися до законодательства о печати. Сравнительное изложение законодательств других образованных государств и теоретическая оценка их могли бы приготовить общественное мнение к правильному разумению силы и значения новой системы законодательства о книгопечатании» 30. Итак, приглашение правительства было получено, обсуждение началось, но шло оно далеко не всегда в рамках, предусматриваемых комиссией, которая вовсе не стремилась к выяснению объектив-

№ 6, стр. 168.

²⁹ М. Лемке, Эпоха цензурных реформ, Спб., 1904, стр. 108.

³⁰ Санктпетербургские ведомости, 1862, № 66, 23 марта.

²⁸ П. С. Усов, Цензурная реформа в 1862 году, Вестник Европы, 1882, № 6, стр. 168.

ных истин, а просто желала подготовить благоприятное отношение общества к новым цензурным постановлениям. Эта подготовка являлась тем более необходимой, что ни о каком увеличении свободы слова речь собственно не шла. Дело касалось лишь формы, методов цензурных ограничений, наиболее удобных для того времени. Не случайно уже 12 мая 1862 г. утверждены «Временные правила по делам книгопечатания», содержащие ряд пунктов, еще более ограничивающих свободу слова, правила, на основании которых были приостановлены на 8 месяцев «Современник» и «Русское слово».

В многочисленных откликах, печатавшихся в газетах и журналах, почти не встречается защиты предварительной цензуры, существовавшей до 60-х годов в России. Слишком уж скомпрометирована была эта цензура. Кроме того не следует забывать, что в официальном сообщении о работе комиссии отчетливо сформулировано ее намерение ориентироваться на отмену предварительного и введение карательного цензурного законодательства. Одним из немногих выступлений в пользу цензуры предварительной явилась статья Н. Мельгунова «По поводу последних распоряжений о цензуре», напечатанная в одной из самых реакционных газет 60-х годов, в «Нашем времени». ³¹ В ней высказывались похвалы новым правительственным распоряжениям о печати, но выражались и сомнения в целесообразности отмены предупредительной цензуры. Мельгунов старался доказать, что карательная цензура, подобная той, которая существовала во Франции, вряд ли лучше либеральной предупредительной. По мнению автора, цензурные преобразования вообще следует проводить крайне медленно, осторожно, постепенно, тщательно подготовив их. В крайне реакционной статье Мельгунова, в сущности, отрицалась необходимость каких бы то ни было цензурных преобразований. Такая точка зрения противоречила даже намерениям правительства. Поэтому не удивительно, что «Современная летопись» Каткова осудила выступление Мельгунова, подчеркнув, что не следует бояться замены предупредительной цензуры карательной ³². В ответе Мельгунова «В пояснение недоразумений между «Современной летописью» и мною по вопросу о цензуре», ³⁵ довольно резком по тону, в сущности признавалось, что никаких серьезных разногласий между ним и Катковым нет, что он тоже сторонник новых постановлений о цензуре, что речь идет просто о недоразумении. Любопытно, что первая статья Мельгунова напечатана до официального сообщения о заседании 19 марта комиссии, где как раз и было высказано намерение ориентироваться на карательное законодательство. Возможно, редакция «Нашего времени» не смогла сразу сориентироваться в обстановке, понять, чего хочет правительство, а затем, когда это стало ясно, начала менять и свою позицию. В дальнейшем в «Нашем времени» печатаются похвалы подготовляемым цензурным преобразованиям, редакция заявляет себя противницей предварительной цензуры, отмежевывается от утверждений Мельгунова, подчеркивая, что в примечании к его первой статье было заявлено, что «Наше время» не в числе тех, которые просят оставить для них предупредительную цензуру. ³⁴ В то же время в газете высказывается мысль, что не всякое карательное законодательство может быть желательным. В качестве подобного нежелательного примера приводятся французские законы о печати, которые довольно резко осуждаются. По мнению редакции, карательные меры не могут находиться в руках администрации. Наиболее приемлем суд присяжных, но он в России пока невозможен. Специальный суд из чиновников, по «Нашему времени», не удовлетворит литераторов, а выборный суд не удовлетворит правительство. Поэтому редакция «Нашего времени» утверждает, что литературные дела лучше всего вверить обыкновенным судам, особенно высшим их инстанциям, периодические же издания вообще же пока лучше оставить под предварительным контролем. Так, начав с необходимости устранения административного

 ³¹ См. Наше время, 1862, № 60, 18 марта.
 ³² Современная летопись, 1862, № 12, март, стр. 14—18.
 ³³ Наше время, 1862, № 69, 29 марта.

³⁴ См. редакционную статью, Наше время, 1862, № 73,3 апреля.

произвола, «Наше время» приходит в конце к утверждению его в самом

прямом виде.

Несколько иную позицию заняли издания Каткова, выступившего сразу ярым сторонником замены предупредительной цензуры карательной. Катков восторженно приветствовал новые постановления о чечати, настойчиво популяризировал их. Свои похвалы Катков мотивировал стремлением к свободе слова. В его изданиях печатаются в это время статьи и заметки, в которых осуждаются цензурные ограничения и восхваляется свобода печати, дающая возможность выразить общественное мнение. Здесь неоднократно встречается и осуждение французского законодательства о печати, не ограждающего литературу от цензурного произвола. Так, в №№ 3-5 «Русского вестника» напечатана статья Л. Ф. де Роберти «Английская журналистика». Автор ее с похвалой рассказывает о свободе печати в Англии, в Америке, с сочувствием приводит слова Милля о необходимости свободы слова, с осуждением говорит о французских законах о печати, о предостережениях, прекращениях и т. п. Но уже в этой статье указывалось, что французское правительство имеет некоторые основания для стеснений печати, что ее свободу возможно ограничивать, когда речь идет о вооруженных нападках на государство, как это в какой-то мере имеет место во Франции 35. Да и из Милля приводятся слова о том, что «не излишек, а недостаток ее (печати — П. Р.) свободы ведет к общественным потрясениям» ³⁶. Уже в этом отчетливо проявляется стремление Каткова подчеркивать, что свобода слова должна привести к укреплению существующего строя, к поражению «нигилистов». Трудно сказать насколько сам Катков верил в это, но во всяком случае такого рода доводы настойчиво пропагандировались на страницах его изданий. Так, в редакционной статье № 12 «Современной летописи», с сочувствием отзываясь о положении английской печати, автор заявлял, что при свободе слова дурные мнения оказываются безвредными, так как находят себе опровержение. Подобные же высказывания встречаются в «Заметке», опубликованной в № 10 «Русского вестника». В ней содержатся резкие нападки на «нигилизм», с которым, по мнению автора, не могла успешно справиться предварительная цензура; она только «утончает яд $<\ldots>$ и дает ему средство беспрепятственно проникать повсюду». 37 При карательной же цензуре, утверждается в «Заметке», дав возможность высказаться вредной идее, правительство лишь выиграет, потому что такая идея «или сама себя уничтожит своею откровенностью или вызовет в обществе отпор, который поразит ее действительнее всякой карательной меры» 38.

Подобная «защита» свободы слова сочеталась у Каткова с похвалами новым правительственным постановлениям, которые, по его утверждениям, вели к свободе печати. Так, в № 12 «Современной летописи», в отклике на указ 8 марта, автор редакционной статьи всячески приветствовал его. Вынужденный признать, что положение печати не слишком-то изменилось, автор заявлял, что указ «подает много добрых надежд на близкое будущее» ³⁹ «Мы надеемся, — говорилось в статье, — что комиссия исполнит свою задачу достойным образом и что вообще вопрос о нашей печати находится в руке твердой, не торопливой, но доброжелательной и разумно либеральной». ⁴⁰ Подобные же похвалы встречаются в «Заметке» («Русский вестник», № 10), в которой подробно и с одобрением излагаются основные положения проекта о преобразовании цензуры, составленного комиссией.

В то же время издания Каткова резко осуждали всякие попытки использовать свободу слова для отрицания существующего порядка, утверждая, что в этом случае необходимо правительственное вмешательство и пресечение.

36 Там же, № 3, стр. 305.

³⁸ Там же.

⁴⁰ Там же, стр. 18.

³⁵ Русский вестник, 1862, № 5, стр. 217.

³⁷ Русский вестник, 1862, № 10, стр. 877.

³⁹ Современная летопись, 1862, март, № 12, стр. 15.

Так, в статье, помещенной в № 12 «Современной летописи», говорилось о возможных «посторонних причинах», о «государственной необходимости», которая иногда не позволяет осуществить свободу слова ⁴¹. В № 39 этого же журнала приводилось без примечаний, но с явным сочувствием, мнение английской газеты «Таймс» о выступлении Гюго с защитой свободы слова. Дело в том, что Гюго истолковывал свободу печати как средство борьбы с реакцией, с отжившим государственным устройством. Такое толкование не устраивало ни редакцию «Таймса», ни Каткова. В заметке указывалось: «Если в самой сущности французской свободной печати лежит необходимость постоянно взламывать основы, мы уже не станем так удивляться разным вмешательствам», ⁴² т. е. правительственным ограничениям. Итак, все похвалы «свободе слова» в изданиях Каткова сводились в конечном итоге к антинигилистическим выпадам, к прославлению цензурных реформ, подготавливаемых правительством, и к оправданию мер пресечения, к которым оно бывает «вынуждено» прибегать.

Примерно подобную же позицию занимали и «Отечественные записки». Они приветствовали новые положения о печати, подчеркивая, что свобода слова лишь укрепит правительство и приведет к окончательному поражению «нигилистов». В «Современной хронике» (№ 3) заявлялось, что новые положения о печати «нельзя не приветствовать», что там, «где мысль не может раскрыться с полною ясностью <...>, она никогда не может иметь силы над бессмыслием» ⁴³. В № 4, говоря о преобразовании цензуры, хроникер «Отечественных записок» Громека призывал литературу отказаться от «непростительного равнодушия», откликнуться на приглашение правительства и высказать свои мнения о цензурном законодательстве. Собственные мнения Громека выражал предельно ясно: он заявлял, что свобода слова не может существовать без законов о печати, что эти законы «составной камень истинной свободы» ⁴⁴. Но прежние законы оказались несостоятельнными, «правительство желает заменить их лучшими и обращается к самой литературе за указаниями», 45 необходимо помочь правительству, оправдать его доверие. Подробно развивается Громекой мысль, что новые законы приведут к окончательному падению «нигилизма», в то время как предупредительная цензура не в силах его обезвредить. «Только свежий, здоровый воздух свободы $<\dots>$ в состоянии вылечить эту философско-гражданскую чахотку», 46 — заявляет Громека, утверждая, что «нигилизм» исчезнет, если дать ему возможность свободно высказать свои теории и опровергнуть их. По словам Громеки, само правительство стремится к отрицанию старого, отжившего, к замене его новым, в отличие от «нигилистов», которые только отрицают. «Нигилисты желают половины дела, хотят только уничтожения всех несообразностей в экономическом и гражданском устройстве; правительство не довольствуется этим и хочет не только уничтожить, но и заменить его новым и, вероятно, наилучшим устройством. Ясно, на чьей стороне преимущество». 47 Свобода слова, по мнению Громеки, не может подорвать основ религии и монархии: бояться за них — значит не верить в их прочность. Но ратуя на словах за свободу слова, Громека отстаивает необходимость специальных цензурных учреждений, необходимых якобы для защиты самой свободы слова от духа партий: «Только при существовании учреждения, карающего всякое нарушение свободы слова <...>, возможна истинная свобода слова». 48 Таким образом, хроникер «Отечественных записок» приходит не только к

⁴¹ Современная летопись, 1862, № 12, стр. 18.

Современная, летопись, 1862, № 39, стр. 17.
 Отечественные записки, 1862, № 3—4, Современ. хроника, стр. 38.

⁴⁴ Там же, стр. 41.

⁴⁵ Там же, стр. 41—42.

⁴⁶ Там же, стр. 48. ⁴⁷ Там же, стр. 49.

⁴⁸ Там же, стр. 57.

оправданию карательной цензуры, но и к признанию ее единственным зало-

гом подлинной свободы слова.

С похвалами карательной системе выступает в «Отечественных записках» и В. Д. Скарятин. В № 4 напечатана его статья «Об изменении цензурного устава», в № 6 — «Заметки о суде над печатью в Тоскане». Скарятин подробно разбирает возможное устройство судов над печатью, дает практические советы, стремясь как бы помочь правительству в разработке нового цензурного законодательства спокойным и деловым обсуждением вопроса.

Следует отметить, что к концу 1862 — началу 1863 гг. позиция «Отечественных записок» в какой-то степени изменилась. Разгул реакции, усиление цензурных гонений, запрещение «Современника», «Русского слова» заставляют редакцию «Отечественных записок» в демагогических целях несколько изменить оценку происходящих событий. Не желая вступать в конфликт с властями, продолжая резкие нападки на нигилистов, редакция в то же время хочет не компрометировать себя перед читателями, сохранить хотя бы подобие либерального облика, особенно в конце года, когда шла речь о подписке. Так, в «Современной хронике» в № 8 указывается, что нынешнее время неблагоприятно для литературы, а правительство не доброжелательно к ней. Здесь же встречается осторожная критика «Временных правил», мысли о том, что запретить что-либо легко, но гораздо труднее преодолеть зло, вызываемое подобным запрещением. Такого рода высказывания служат, в частности, откликом на запрещение «Современника» и «Русского слова». Особенно отчетливо слышатся они в «Современной хронике» в № 11. Здесь, говоря о правительственных гонениях на «нигилизм», вновь напоминая о своей враждебности к нему, хроникер отмечает, что такие гонения вредны: они могут лишь укрепить нигилизм. «Честная» же литература («Отечественные записки» имеют в виду и себя) не может бороться с мнениями, которые официально преследуются и запрещаются цензурой, так как все спорящие с ними становятся на уровень доносчиков.

Осуждая запрещение «Современника» и «Русского слова», автор «Современной хроники» заявляет, что если бы запрещение не являлось решением правительства, то можно было бы думать, что оно принято нарочно для усиления гонимого направления. Ч Уже сами эти высказывания вполне объясняют тактику редакции «Отечественных записок»: речь идет не о смене отношения к правительственным постановлениям, к «нигилистам», а о нежелании прослыть доносчиками, подорвать свой кредит перед читателями. Поэтому не следует принимать слишком всерьез заявления хроникера, что правительство не в силах уничтожить свободную мысль, что оно не должно надеяться на присяжных хвалителей и т. п. Тем более, что в конце обзора высказывается уверенность о непродолжительности подобного рода гонений.

С осуждением «крайностей» реакции выступают «Отечественные записки» и в начале 1863 г., в «Современной хронике России» (№№ 1 и 2). Здесь осторожно высказывается недовольство передачей цензуры министерству внутренних дел, утверждается, что неумеренные нападки на правительство укрепляют его, в то время как зажим свободы печати вызывает общественное негодование. ⁵⁰ Но в то же время «Отечественные записки» продолжают грубые и резкие нападки на революционно-демократическую журналистику. В итоге, несмотря на либеральную фразеологию «Отечественных записок», их позиция не многим отличалась от позиции изданий Каткова. Не случайно редакция «Современника» оценивала выступления «Отечественных записок» и «Русского вестника» о преобразовании цензуры как выступления однотипные. В первом томе «Современника», вышедшем после 8-месячного запрещения, с иронией сообщалось, что оба журнала считают успехи «нигилизма» чуть ли не результатом предупредительной цензуры и доказывают, что он должен пасть, как только ему дадут высказаться. «Радуемся его радости, —

⁴⁹ Отечественные записки, 1862, № 11, Современная хроника, стр. 28-34. 50 Отечественные записки, 1863, № 1—2, Современная хроника, стр. 4-6, 67-69.

насмешливо замечает автор статьи «Современника», Салтыков-Щедрин о «Русском вестнике», — и будем ожидать.» 51 В этом же томе «Современника», в «Кратком обзоре журналов за истекшие восемь месяцев» подчеркивается, что вовсе не о свободе слова заботятся в первую очередь редакции «Отечественных записок», «Русского вестника» и «Современной летописи». В качестве доказательства приводятся высказывания, напечатанные в «Отечественных записках» о необходимости карательной цензуры как единственного залога подлинной свободы слова (см. стр. 113). «Современник» едко высмеивает это утверждение, показывает, что вовсе не от духа партий следует защищать литературу. Защита, рекомендуемая Громекой, приведет, по «Современнику», вовсе не к свободе слова, а к господству официальной партии: «нужно охранять свободу слова не от литературных поползновений на ее стеснение < ... >, а от поползновений внешних, посторонних литературе». Здесь же разоблачается лицемерие позиции Каткова, который на словах ратует за свободу печати, и в то же время в его изданиях оправдываются цензурные стеснения, так как, дескать, «Никто в здравом уме не посоветует государству смиренно преклоняться перед теми, кто хочет его гибели» 52. «Современник» убедительно показывает, что за либеральными высказываниями журналов Каткова и Краевского скрывается прямая защита реакции.

Несколько иной была при обсуждении рассматриваемого вопроса точка зрения редакции славянофильского «Дня», стремившейся искренне к свободе слова. Так, в №№ 21—24 «Дня» опубликована большая редакционная статья о взаимном отношении общества и государства. Значительное место в ней уделялось вопросу о свободе печати. Свободное слово рассматривалось здесь как залог нормальной общественной деятельности, оно так же необходимо, как возможность спать, есть, пить. По мнению автора, возможно злоупотребление словом, но это не меняет дела: ведь нельзя же связать всем людям руки из-за того, что возможны злоупотребления рук. В статье утверждалось, что всякое ограничение печати, стеснение ее - «нарушение правильных отправлений общественного организма < ... >, умерщвление жизни общества и, следовательно, опасно» 53. Не следует преувеличивать прогрессивности подобных высказываний, но все же нужно признать, что и субъективно и в какой-то степени объективно они были направлены против официальной точки зрения и воспринимались как оппозиционные. Не случайно цензура запретила продолжение статьи, о чем довольно ясно намекалось в № 25 славянофильской газеты.

В то же время редакция «Дня» надеялась, что от правительства на самом деле можно ожидать либерального цензурного законодательства, пыталась уговорить правительство, доказать пользу и необходимость подобного законодательства, принять практическое участие в его разработке. Так в № 32 (19 мая) напечатана редакционная статья о свободе слова. В ней высказывалось неодобрение государственному вмешательству в дела печати, критиковалось французское цензурное законодательство, отрицалась необходимость особых судов для печати, преступления которой должны рассматриваться в обычных судах присяжных. Статья предлагала подробно разработанный и отредактированный проект ряда параграфов, которые редакция «Дня» считала нужным включить в новый цензурный устав. Таким образом, хотя точка зрения славянофильской газеты несколько расходилась с намерениями правительства, редакция ее верила в возможность существенного расширения свободы слова в условиях самодержавия и приняла участие в обсуждении практических деталей подготавливаемой реформы.

С требованием свободы слова выступило и «Время». В №№ 5—6 журнала за 1862 г. появилась статья «Законы о печати во Франции». В ней сурово критиковались французские законы о печати, они сравнивались с веревкой удавленника, распущенной настолько, «чтобы пациент задохнулся не сейчас

⁵¹ Современик, 1863, № 1—2, Современное обозрение, стр. 2 52 Там же, стр. 247, 238. 53 День, 1862, № 23, 17 марта, стр. 3.

же» 54. Упоминая о цензурных преобразованиях, подготавливаемых в России, автор статьи ратовал за возможно большую свободу: «Законы, стесняющие свободу печати, то-есть стесняющие не общественное мнение, перед которым они бессильны, а стесняющие выражение его, то-есть законы, вредным для общества образом суживающие кругозор правительства, — по меньшей мере бесполезны» 55. Точка зрения, выраженная «Временем», во многом совпадала с позицией «Дня»: «Время», правда, несколько расширяло границы свободы слова, уверяло, что вообще никаких особых законов для ограничения печати не нужно, но и оно искренне выражало веру в правительственные преобразования, старалось подсказать комиссии наиболее правильные решения, выражало надежду, что каковы бы ни были цензурные преобразования, предлагаемые русским самодержавием, они ведут к прогрессу и подлинной свободе.

Возобновленный «Современник» весьма пронически отозвался об иллюзиях «Дня» и «Времени», отметив, что вряд ли будет практическая польза от такого рода проектов, что они пишутся лишь для собственного удовольствия сочинителей и развлечения читателей: «Сочинять практические проекты — дело людей практических, а не литературы» 56. Упомянув выступления «Времени» о бесполезности всяких законов, стесняющих печать, автор «Обзора журналов», Антонович, показывал всю утопичность подобных выступлений: «Не мешает напомнить «Времени», что все это утопии вроде тех, за которые оно

так усердно издевается над другими» 57.

Подводя итоги высказываниям журналистики не-демократического лагеря нужно отметить, что все они, в подавляющем большинстве, направлены в защиту «свободы слова», защиту иногда более или менее искреннюю, иногда демагогически-лицемерную, сопровождаемую оправданием цензурных преследований. Прямо против свободы слова не выступал почти никто. Но в тоже время издания этого лагеря утверждали, что свобода слова приведет к укреплению существовавших государственных основ, что русское самодержавие хочет и может ввести новые законы, обеспечивающие свободу печати, что долг журналистики помочь правительству в обсуждении и подготовке таких законов. Совсем иной точки зрения придерживались журналы революционно-демократического лагеря. Показывая реакционность различных цензурных законодательств, издания этого лагеря подводили читателей к выводу, что такие постановления о печати закономерны и естественны для реакционных правительств, которые вовсе не заинтересованы в подлинной свободе слова и могут держаться, лишь обуздывая ее. Отсюда следовало, что надежды на реформу, подготавливаемую в России, совершенно беспочвенны, что русское самодержавие вовсе не хочет свободы слова и не даст ее. Обсуждение вопроса о цензурных законодательствах, по мнению революционно-демократического лагеря, практически не может воздействовать на проведение цензурной реформы (правительство все равно проведет ее посвоему, в своих собственных интересах, никоим образом не допускающих подлинной свободы слова); но такое обсуждение может быть полезно, чтобы раскрыть читателям подлинную сущность вопроса, показать несостоятельность надежд на реформу, враждебность самодержавия к свободе печати. По цензурным соображениям в журналах демократического лагеря печатали и похвалы новым правительственным постановлениям, но эти похвалы всерьез читателями не принимались, так как им противоречил весь смысл статей. Встречались в изданиях этого лагеря и оценки, совпадающие с оценками не-демократических журналов (критика французских, австрийских законов о печати и т. п.), но выводы, делаемые из этих оценок, коренным образом отличались друг от друга.

В №№ 3—5 «Русского слова» за 1862 г. напечатана статья И. П. Рагодина (Д. И. Писарева) «Очерки из истории печати во Франции». Здесь

⁵⁴ Время, 1862, № 5, стр. 179.

Бремя, 1862, и с, тр. 298.

Там же, № 6, стр. 298.

Современник, 1863, № 1—2, Современное обозрение, стр. 238.

Современник, 1863, № 1—2, Современное обозрение, стр. 237.

давался обзор французских цензурных постановлений, начиная с правления Наполеона I. В статье встречаются утверждения верные и прогрессивные, но еще не определяющие сущности революционно-демократической позиции. Автор сравнивает предупредительную и карательную систему и приходит к выводу, что «без всякого сомнения, надо будет отдать предпочтение карательной», ⁵⁸ в то же время он осуждает французскую карательную систему, считает, что если из зол выбирать меньшее, то следует остановиться на законе, по которому литература ответственна перед судом присяжных, без административного вмешательства, без приостановок и запрещений. Но суть статьи вовсе не в подобных утверждениях; под некоторыми из них могли подписаться сотрудники не только славянофильского «Дня», но и катковского «Русского вестника» (вспомним статьи последнего об английской журналистике). Для Писарева было важно другое: показать несовместимость самодержавного правления и свободы слова, тщетность надежд на правительственные реформы. По его мнению, «Правительство ненавидит самую свободу мысли; его тревожит самое безвредное проявление этой свободы; оно боится простых выводов здравой логики, потому что его существование, его происхождение, его действия во всех отношениях противоречат этим простым выводам». 59 Автор относит эти слова к французскому правительству, но с таким же основанием они могли быть применены и к русскому самодержавию. Свою статью Писарев прямо связывает с обсуждением в русской журналистике новых постановлений о печати. Но в то же время он подчеркивает, что вовсе не разделяет надежд, будто бы такое обсуждение сможет сыграть какую-либо положительную роль, повлиять на суть реформы: «Я очень хорошо знаю, что мой практический вывод на самом деле не может иметь никакого практического значения». 60

Подобные же взгляды развивала и редакция «Современника». В № 3 журнала за 1862 г. была опубликована известная статья Чернышевского «Французские законы по делам книгопечатания», в которой акцентировалась еще более отчетливо, чем в «Русском слове», мысль о несовместимости самодержавия и свободы печати. Чернышевский ставил вопрос о неизбежности революционного переворота, о том, что отживший порядок не смогут спасти никакие цензурные преследования: «Нам кажется, что без достаточной причины не может произойти никакое потрясение или ниспровержение < . . . >, а если есть достаточные причины, то действие произойдет, как там ни хлопотать об устранении способов и поводов произойти ему» 61 . На первый взгляд слова Чернышевского напоминают доводы «Отечественных записок», «Санктпетербургских ведомостей» и т. п. в защиту свободы печати. В этих изданиях неоднократно утверждалось, что бояться свободы печати — значит не верить в крепость основ существующего строя ⁶². Подобные же мнения высказаны и Чернышевским. Но смысл их совершенно противоположный: Чернышевский доказывал ими, что революция неизбежна, что ничто не может остановить ее, либеральные же и реакционные издания делали вывод, что в России «государственная власть и по своему происхождению и по своему нравственному значению в народе крепче, чем где-нибудь. Правительству нет основания бояться общественного мнения, напротив, в нем оно может найти для себя самую крепкую поддержку, ибо интересы его и интересы народа — одни и те же» 63

В своей статье Чернышевский показывал, что реакционные законы о печати закономерны и естественны для всякого антинародного правительства, что во Франции не случайно прибегли к ним, так как «власть французского правительства не ограждается общественным мнением, и потому для ее без-

⁵⁹ Там же, стр. 27. 60 Там же, стр. 28.

61 Современник, 1862, № 3, Современное обозрение, стр. 144.

⁵⁸ Русское слово, 1862, № 5, стр. 25.

⁶² См. наст. том, стр. 113; Санктпетерб. ведомости, 1862, № 156, 12 июля. ⁶³ Санктпетербургские ведомости, 1862, № 156, 12 июля.

опасности действительно необходимы исключительные меры». 64 Å отсюда следовал вывод, что и для русского самодержавия они необходимы, что наивно ждать от него облегчения участи литературы и надеяться, будто обсуждение новых постановлений о печати сможет практически повлиять на подготавливаемую реформу: «мы не будем разбирать <...> до какой степени нужны были бы у нас специальные законы по делам печати. Если б и оказалось, что они не нужны, все-таки из этого вывода ровно ничего не вышло бы. Мы все-таки не обошлись бы без них. А что, если бы оказалось, что они действительно нужны у нас? Тогда мы вновь заслужили бы имя обскурантов, врагов прогресса, ненавистников свободы, панегиристов деспотизма <...>, мы опасаемся, что добросовестное исследование привело бы нас к ответу: да, они нужны» 65. Получилась парадоксальная вещь: либеральная и реакционная журналистика ратовала за «свободу слова», руководитель же революционно-демократического лагеря пришел к выводу о необходимости для России исключительных цензурных законов. Но, конечно, не о склонности к подобным законам свидетельствовал этот вывод, а о глубоком понимании реакционной сущности самодержавного строя, какими бы либеральными фразами она не прикрывалась.

Любопытно, что реакционные публицисты, оправдывая предсказание Чернышевского, обвинили его во враждебности к прогрессу и в защите деспотизма. Так, Скарятин в статье «По поводу проекта г. Аксакова», критикуя французские цензурные законы, заявляя, что и без них «сумеем лучше французов отстояться от всяких революционеров», цитировал заключительные слова Чернышевского и сопровождал их следующим замечанием: «Таков взгляд самого редактора журнала, который, по странному смешению у нас слов и понятий, слывет в публике либеральнейшим. Поздравляем русскую печать, если г. Чернышевский доберется когда-нибудь до министерского портфеля!» 66

В № 3 «Современника», как бы в дополнение статьи Чернышевского, редакция напечатала письмо Н.-ена (Н. Л. Тиблена) «По делу о преобразовании цензуры». В. Е. Евгеньев-Максимов в своей фундаментальной работе о «Современнике» высказывает мнение, что смысл письма Н.-ена сводится к требованию свободы печати. ⁶⁷ Такое предположение не совсем верно. Для редакции «Современника» было важно прежде всего другое. Не случайно H.-ен, упомянув о первом заседании комиссии по делам книгопечатания и о ее приглашении, обращенном к литераторам, принять участие в обсуждении новых цензурных постановлений, выражал свои сомнения в возможности такого участия: «по разным причинам надо сомневаться в возможности полезного участия литературы в этом деле» — 68 заявляет автор. По словам Н-ена, его высказывания имеют лишь цель ознакомить публику с проблемами, касающимися цензурного законодательства, с подлинной сущностью вопроса о законах для печати. Итак, Н.-ен, дополняя Чернышевского, как бы объяснял, с каких позиций освещала обсуждаемую проблему революционно-демократическая журналистика. Ее выступления должны были помочь читателям, оглушенным криками либеральных и реакционных публицистов о необходимости «свободы печати», разобраться в этом вопросе, понять, что такое свобода подлинная и свобода мнимая, отрешиться от всяких надежд на правительственную реформу. Именно с такой целью писали о законах для печати сотрудники революционно-демократических изданий. Характерно, что статьи Чернышевского и Н.-ена обратили на себя внимание властей и послужили одним из поводов временного запрещения «Современника». 69

65 Там же.

⁶⁴ Современник, 1862, № 3, Совр. обозрение, стр. 176.

⁶⁶ Санктпетербургские ведомости, 1862, № 118, 3 июня.

⁶⁷ В. Е. Евгеньев-Максимов. «Современник» при Чернышевском Добролюбове Л., 1936, стр. 568—569.

⁶⁸ Современник, 1862, № 3, Современное обозрение, стр. 59.

⁶⁹ В. Е. Евгеньев-Максимов, «Современник» при Чернышевском Добролюбове, Л., 1936, стр. 513.

Позднее, в 1863 г. «Современник», затрагивая вопрос о законах для печати, продолжал развивать мысль о незаинтересованности реакционных правительств в свободе слова. Так, в первых номерах журнала опубликована статья А. Н. Пыпина «Процессы о печати в Австрии». Критикуя реакционные австрийские законы, автор статьи цитирует доводы одного из защитников подобных законов. «О свободе прессы нужно сказать то же самое, что и о свободе вообще. Если пресса хочет быть свободна, она должна быть достойна свободы, и в Австрии должна быть прежде всего австрийской.» 70 Пресса же, которая «возмущает земли и народы против государства и друг против друга, которая отвергает великое отечество, — радуется за его врагов, подкапывает основы государства ... с такой прессой не может существовать никакое государство в свете, и здесь не поможет никакой свободный закон о печати». 71 Процитировав эти доказательства, автор статьи замечает, что австрийский защитник цензурного гнета единомышленник Чичерина, а его «тирады» сходны «с проповедями «Русского вестника» или «Нашего времени» 72. В статье подчеркивается, что австрийская пресса может стать при существующих условиях «свободной», лишь отказавшись от независимости, от личного мнения, когда она начнет «повиноваться всем желаниям полиции <...> и будет повторять официальные взгляды»; 73 но она потеряет всякий смысл, прежде чем достигнет такой «свободы». Аналогия с положением русской печати и отоношением к ней правительственных кругов здесь напрашивалась сама собой. Тем более, что она была подготовлена прямым сопоставлением мнений австрийских и русских защитников законов для печати.

Следует отметить, что критика австрийских цензурных постановлений встречается в это время не только в «Современнике», но и в изданиях далеко не прогрессивных ⁷⁴. Но сущность критики была совершенно различной: «Северная пчела», «Отечественные записки» и другие издания осуждали австрийские законы и выражали пожелания, чтобы они были смягчены, «Современник» же подчеркивал, что такого рода цензурные постановления естественны и закономерны для реакции. Отсюда вытекало, что только коренная ломка существовавших отношений может привести к подлинной свободе печати. В этом же плане выдержана опубликованная в январско-февральском номере «Современника» статья Т-на (Салтыкова-Щедрина) «Несколько слов по поводу «Заметки», помещенной в октябрьской книжке «Русского вестника» за 1862 год» 75. Критикуя «Русский вестник» и его высказывания о преобразовании законов о печати, Щедрин в сущности подверг резкому осуждению основные положения цензурных преобразований, подготовленных правительственной комиссией (именно о них с похвалой сообщалось в «Заметке» «Русского вестника»). Щедрин подчеркивал, что покровительство цензуры, оказываемое печати, «заключается не столько в расширении свободы печатного слова, сколько в снисходительном ограждений его от всякого рода излишеств» ⁷⁶ и что новая система основана на желании «заменить произвол беспорядочный, произволом, так сказать, узаконенным» 77. Не случайно статья Щедрина обратила на себя внимание цензора, видевшего в ней одно из свидетельств сохранения «Современником» прежнего неблагонамеренного направления. 78

⁷⁰ Современник, 1863, № 1—2, стр. 439.

⁷¹ Там же.

72 Там же.

⁷³ Там же, стр. 440.

⁷⁴ См. К. Арсеньев, Министерство и журналистика в Австрии, Отечеств. записки, 1862, № 6; Ценсурные постановления в Австрии, Северная пчела, 1863, № 61, 5 марта.

⁷⁵ См. о «Заметке» стр. 112

⁷⁶ Современник, 1863, № 1—2, Соврем. обозрение, стр. 1—2.
77 Там же, стр. 11—12.
78 В. Е. Евгеньев-Максимов, Последние годы «Современника», Л., 1939, стр. 51.

Вышеприведенные материалы показывают, сколь большой удельный вес имел в это время вопрос о преобразовании цензуры, сколь оживленно он обсуждался в журналистике. Они также помогают разобраться и в позиции «Современного слова». Редакция этой газеты приняла довольно активное участие в дебатах о новых постановлениях о печати. В №№ 79—81 опубликован цикл статей «Цензурные системы», в №№ 107 и 112 напечатан обзор положения французской литературы «Пресса во Франции» и т. п. Встречались в газете высказывания, в целом не выходившие за рамки либерализма. Так, в статье «Цензурные системы» автор во многом с либеральной точки зрения доказывал преимущество карательной системы перед предупредительной. Об этом свидетельствовал и эпиграф об администрации, которая, «как эссенция разумных сил государства <...> может желать только добра», и похвалы карательной цензуре, и утверждение, что «Подготовляя умы к реформе, пресса уменьшает массу недовольных и облегчает правительству осуществление реформы». 79 В статье развивалась мысль, что свободная печать знакомит администрацию с общественным мнением, помогает ей ясно уразуметь свое отношение к обществу, служит обобщающей средой между обществом и администрацией, разъясняет обществу действия администрации, а администрации нужды общества. Подобного рода положения не расходились с высказываниями не только либеральных, но и реакционных изданий. Но было в статье и другое. Так, в ней довольно резко критиковалась администрация, которая изолировала себя от общества, находит «стеснительным и даже излишним свободное выражение общественного мнения и приводит последнее к совершенному молчанию или принуждает органы общественного мнения прибегать к уклончивой диалектике». 80 Автор осуждал административный произвол, доказывал, что администрация, за исключением вопиющих злоупотреблений, склонна всегда считать свои действия непогрешимыми. В статье отвергалось вмешательство администрации в дела литературы, критиковались французские законы о печати, система правительственных взысканий и предостережений: «Правительство французское предоставило себе право предостерегать редактора <...> Эти предостережения не допускают апелляции и после двух подобных предостережений <... правительство усвоило себе право налагать на издание запрещение. При таком отсутствии легальности, французская пресса находится в совершенной зависимости от произвола и личных воззрений той или другой административной личности». 81

Упомянув заявление русского правительства об изменении законов для печати, о постепенном переходе к карательной цензуре, сопроводив это упоминание казенной похвалой правительственным преобразованиям, автор задавал многозначительный вопрос: «за кем будет, спрашивается, право взыскания?» ⁸² А далее он подробно доказывал, что при сохранении власти над печатью в руках администрации, «если толкование закона, приложение его к делу или судебный порядок взыскания будет в руках полицейского ведомства» ⁸³, не может быть и речи ни о какой подлинной свободе слова, даже в том случае, если цензура будет карательная, даже если дела о печати станут решаться в судах. По мнению автора, закон всегда является формой консервативной, неподвижной, а деятельность полицейской администрации всегда направлена на то, чтобы сохранить в неприкосновенности эту консервативную форму. Деятельность же прессы, выражающей мнение общества, ведет к изменению этой формы. Поэтому никоим образом нельзя передавать судопроизводство между администрацией и печатью в руки полицейской власти либо какого-нибудь другого ведомства, так как прогрессивный харак-

⁷⁹ Современное слово, 1862, № 79, 5 сентября.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Там же, № 81, 7 сентября.

⁸² Там же, № 80, 6 сентября.

⁸³ Там же, № 81.

тер печати всегда представляется администрации «посягательством на закон, на существующий порядок <...> Само собой разумеется, что как скоро право взыскания, хотя бы судебным порядком, будет в руках последней (т. е. администрации — П. Р.), то пресса будет предана на жертву букве неподвижного закона <...> При таком порядке суждение прессы постоянно будет представляться осуждением с ее стороны». В Автор раскрывал всю неестественность положения литературы, если «и следствие и право взыскания будет в руках обвиняющего ведомства», в он выступал за передачу дел о печати суду присяжных, с привлечением литераторов и журналистов в качестве судий и присяжных.

В статье «Цензурные системы» положения, выходящие за рамки либерализма, ощущаются более отчетливо, чем в других высказываниях «Современного слова» о свободе печати. Но и здесь эти положения далеко не опре-

деляют всего смысла статьи.

Более резко вопрос ставился в статье «Пресса во Франции», в которой решительно осуждались французские законы о печати. Автор показывал, что французское правительство, заинтересованное в обуздании литературы, но не решившееся на отмену карательной цензуры, пошло по пути, который сводит на нет преимущества карательного законодательства: не существует никакого равноправия истца и ответчика перед судом; обществу сообщаются обвинения против издания, приговор, а ответчик лишен возможности обратиться к общественному мнению, изложить сущность дела, защитить себя; но и этого правительству показалось мало, и вот «придумана система предостережений», согласно которой «правительство присваивает себе право закрывать редакции и <...> пользуется этим правом, чтобы окончательно развязать себе руки и получить, по своему благоусмотрению, право на двумесячное или совершенное запрещение журнала или газеты» 86. С едкой иронией в статье рассказывается об этой системе предостережений: на первый взгляд все выглядит добропорядочно, правительство никого не обвиняет, оно лишь берет на себя труд предостерегать издания от излишних увлечений, его остается только благодарить. На самом же деле, утверждает автор, это «дружелюбное сообщение», выражая мнение правительства по затронутому вопросу, заключает всегда в себе «косвенное приглашение или быть того же мнения или молчать». ⁸⁷ В статье делается вывод, что, действуя таким образом, французское правительство поступает естественно «Управлять невежественною массою, конечно, удобнее до поры до времени», - замечает автор, а затем он дает характеристику этой массы, которая долгое время «живет в полном уповании на попечительность и абсолютное всемогущество правительства», зато потом, когда терпение лопается, «масса не понимает иного исхода своим страданиям, как ниспровержение законного порядка вещей» 88. Приведенные слова выходят за пределы вопроса о свободе печати. Они утверждают закономерность реакционных мер администрации, не желающей свободы народа, и в тоже время весьма отчетливо намекают на неизбежность в таких условиях революционных потрясений. Правда, эти потрясения связываются с действиями необразованной массы, автор не выражает им сочувствия, рассматривает их как результат неблагоразумных действий правительства. Но, несмотря на эти либеральные ноты, статья о цензуре во Франции в целом имела прогрессивный смысл. Выше говорилось, что осуждение французских законов о печати, системы предостережений и т. п. встречалось не только в революционно-демократической журналистике. Но страстный тон, резкость оценок в статьях «Современного слова» сближали их именно с аналогичными выступлениями «Современника» и «Русского слова». Нужно учитывать и следующее: высказывания изданий не-радикаль-

⁸⁴ Там же

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Там же, № 107, 12 октября.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Там же, № 112, 18 октября.

ного лагеря с осуждением французского цензурного законодательства, системы предостережений и пр. относятся, главным образом, к весне 1862 г. Они появились большей частью до опубликования правительством «Временных правил», в которых ясно провозглашено административное вмешательство в дела литературы, возможность запрещения журналов. Авторы такого рода высказываний пишут именно о французских законах, без всяких намеков и сопоставлений: их цель, в крайнем случае, предостеречь русское правительство, готовившее реформу, от подражания французскому цензурному законодательству, доказать, что подобные законы для России не нужны. По мере же выяснения правительственной точки зрения, издания не-радикального лагеря с сочувствием отзываются о ней, выражая, в лучшем случае, робкую

и осторожную оппозицию. Совсем иное значение имеют выступления «Современного слова» осенью 1862 г. ,после закрытия «Современника» и «Русского слова», в период все большего вмешательства в дела литературы министерства внутренних дел, все большего усиления реакции. В такой обстановке резкая и прямая критика власти полиции над печатью, запрещений журналов, стремления правительства заставить журналистику придерживаться официальных мнений или замолчать относилась не столько ко Франции, сколько к России и приобрела особую остроту. Цель такого рода критических высказываний — вовсе не оказание помощи в подготовке реформы, а разоблачение того пути цензурных преобразований, склонность к которому русского правительства проявлялась все отчетливее, разъяснение читателям на материале Франции подлинной сущности этих преобразований. Именно с такой целью прибегали к обзору иностранных цензурных законодательств «Современник» и «Русское слово». И уже прямо сближает «Современное слово» с революционно-демократическими изданиями мысль, что для реакционных правительств естественно и закономерно стеснение печати, что от них не следует ожидать свободы

Эта мысль слышится и в статьях, рассказывающих о положении австрийской печати. Так, в № 157 «Современного слова», в обзоре законов, принятых австрийским райхсратом, резко критикуются австрийские постановления о печати и высказывается мнение, что такие законы «удобны» для реакции. Говоря о неудовлетворительности нового австрийского цензурного законодательства, о многочисленных запрещениях газет, арестах их редакторов, обозреватель «Современного слова» саркастически замечает: «Вот вместе и настоящее «ограждение» личной свободы <...> Все эти меры могут быть принимаемы; мы не станем отрицать их удобства; но для чего же хвастать в таком случае законами о свободе прессы и личной неприкосновенности?» ⁸⁹

О положении австрийской журналистики сообщалось и в статье «Пресса в Австрии», напечатанной в «Прибавлениях» к 167 и 171 номерам. Здесь рассказывалось о крайне тяжелом положении австрийской печати, выданной «живьем в руки полиции» 90, подробно сообщалось о конкретных фактах преследования правительством газет и журналов. Характерно, что редакция обещала окончание статьи об австрийских законах о печати поместить в сле-

дующем прибавлении 91, но окончание это там помещено не было.

О солидарности «Современного слова» с изданиями демократического лагеря свидетельствуют и прямые выступления газеты Писаревского против реакционных и либеральных откликов на новые цензурные постановления, а также острая критика цензурной практики того времени. Много места в газете занимали более или менее замаскированные отклики на усилившуюся цензурную реакцию, запрещение демократических изданий, аресты революционеров. Так, в фельетоне в № 103, говоря о том, что «страшные «нигилисты» хранят гробовое молчание», автор иронически замечал: «Слава богу, что «нигилисты» теперь молчат. И не мудрено, десница промысла в не-

⁸⁹ Там же, № 157, 12 декабря. ⁹⁰ Прибавление к № 167, стр. 13. ⁹¹ Прибавление к № 171, стр. 20.

давних событиях действовала так внятно и осязательно, что они волею или неволею должны были сойти со сцены и уступить свое место людям степенным, или, как их называют теперь, «постепеновцам» 92. Этот намек на причины молчания «нигилистов», на арест Чернышевского, запрещение «Современника» и «Русского слова» самым непосредственным образом перекликается с высказыванием на ту же тему Щедрина. В «Нашей общественной жизни», отвечая на злобные выпады «Нашего времени», высказывавшего радость, что «нигилисты» замолчали, Щедрин писал: «Замолкли!» но почему замолкли, любезный публицист? не известна ли вам причина этого молчания? <...>ведь могут подумать, что это вы заставили их замолчать!» 93

Едкая критика цензурной политики царизма содержится и в заключительной части разбираемого фельетона. Иронически заметив, что в русской жизни «все попрежнему благополучно», автор его сообщал, что лишь одно дисгармонирующее обстоятельство, касающееся журналистики, нарушает это благополучие, но и оно, как говорят, скоро будет улажено окончательно. «Читатели могли, конечно, заметить, — продолжал фельетонист, — что «внутренние отделы» газет и журналов, т. е. рассмотрение внутренних вопросов совершалось и совершается теперь как бы по общему согласию, самым дружным образом. Оно в сущности и быть иначе не могло: все одни и те же известия, следовательно и рассмотрение их должно быть одинаково, всегда с приличной стороны <...> Побьет где-нибудь становой мужика, тотчас сообщат факт все единодушно, разумеется, строго воздерживаясь от рассуждений. Подрались две бабы на плоту в Полтавской губернии, ну и заявляют

все об этом дружно, тоном скромным и приличным.

Несколько уклонялся от этого порядка рассмотрения «вопросов» политический отдел газет <...> Возьмите, напр., Гарибальди <...> одни говорят — это патриот, человек, доставивший славу своей родине <...> другие же говорят, что это простой блузник, уличный демагог, человек неспособный и интриган. Этак, пожалуй, можно окончательно сбить с толку русскую публику. Вообще в этом отношении была большая неурядица в русской журналистике. Мы слышали и передаем это за свежую новость, что в самом непродолжительном времени будет восстановлено полное согласие по подобным вопросам. Иностранные события будут рассматриваться газетами с русской точки зрения, точно так, как это делается по внутренним вопросам <...> При таком порядке, конечно, не будет той сбивчивости, которая господствовала у нас до сих пор. Тогда русская публика не будет сбиваться с толку и иностранцам приятнее будет видеть, что русские газеты рассматривают их дела с одной точки зрения» 94. Фельетонист едко высмеивал вызванное цензурными ограничениями «единомыслие» по внутренним вопросам и стремление правительства ввести такое же «единомыслие» во внешнеполитических откликах. Причем он подчеркивал, что правительство заинтересовано не просто в единстве взглядов журналистики, а в единстве определенного характера, в обзоре событий «с русской точки зрения» (т. е. с точки зрения официальной), согласно которой «будет принято раз навсегда, что <...> министры австрийские — прогрессисты» 95. Такая позиция «Современного слова» самым непосредственным образом напоминает высказывания «Современника» по поводу мнений, что печать «в Австрии должна быть прежде всего австрийской», т. е. обязана повиноваться «всем желаниям полиции, <...> повторять официальные взгляды (см. стр. 119).

Совершенно очевидно, что редакция «Современного слова» коренным образом расходилась с официальным мнением не только в вопросе о необходимости единства высказываний, но и в оценке конкретных явлений зарубежной жизни. Достаточно вспомнить резко осуждающие отклики газеты на действия австрийского правительства, министров которого с официальной

94 Там же, № 103, 7 октября.

⁹² Там же, № 103, 7 октября.

⁹³ Н. Щедрин, Полн. собр. соч., т. 6, М., 1941, стр. 82.

⁹⁵ Там же.

точки зрения нужно считать «прогрессистами». Направлен фельетон «Современного слова» и против либеральных обличений, уводящих внимание общества от важных и злободневных вопросов, разменивающих его на мелочи (слова о становом, побившем мужика и о двух подравшихся в Полтавской губернии бабах). Фельетонист «Современного слова» намекает, что власти хотели бы такого же мелочного изображения действительности в иностранных известиях: «Ну и говори, что Наполеон уехал в Биариц, рассказывай как встретили его, когда он думает возвратиться в Париж и заняться делами <... > А то пойдут говорить о Гарибальди, о возмутительных речах, произнесенных им, да еще с сочувствием к такому человеку, который не слушается приказаний министров. Бог знает какие мысли могут придти в голову читателя от таких вестей» ⁹⁶.

О цензурных преследованиях и ограничениях говорится и в фельегоне в № 132. На этот раз дело касается не журналистики вообще, а непосредственно самого «Современного слова». Выше говорилось о цензурных конфликтах, которые возникли в самом начале существования новой газеты. Можно поэтому предположить, что и в этом фельетоне в какой-то степени отразились реальные факты. Во всяком случае в нем очень ярко показывалось, какой была «свобода слова» в «эпоху цензурных реформ». Фельетонист замечал, что «вообще почему-то мои фельетоны выходят в свєт несколько измененными и иногда сокращенными». ⁹⁷ Далее он рассказывал, что обратился по этому поводу с жалобой к редактору, а тот ему ответил, что виновата типография, что сокращают и врут наборщики, а корректор плохо разбирает почерк и поэтому правит статьи в таком роде: «если в рукописи стоит скверная погода и ему кажется подозрительным словом скверная, то он зачеркивает его и ставит хорошая». 98 Эта фраза, между прочим, еще более проясняет иносказательный смысл рассуждений о «плохой погоде», которые столь часто встречаются на страницах «Современного слова». По словам редактора, у корректора есть приятель, «который живет на Фонтанке, читает нашу газету от доски до доски и любит все видеть в розовом свете» 99. Этот знакомый, рассказывается в фельетоне, не любит таких слов как «реакционер», «демократ», так как поверил Скарятину, который в своих статьях «отвергает возможность реакции в России. Где нет реакции, там не может быть и демократизма». 100 Фельетонист, по его словам, обращался к редактору и просил переменить корректора, но редактор ему заметил: «Все — говорит одно и то же, какого корректора ни возьми, то же будет». 101 Автор совершенно недвусмысленно намекает на усиливавшуюся реакцию, которая ведет за собой увеличение цензурного произвола, на всеобщность и закономерность этого произвола. Он рассказывает, что его фельетоны укорачиваются более, чем на четверть. И за иронической формой фельетонного жанра звучит подлинная боль и негодование: «Ведь это может довести до отчаянья, в особенности, если произвол корректора доходит до крайности». 102

Но не только с цензурными трудностями и ограничениями приходится сталкиваться, по словам фельетониста, независимому литератору. Его жизнь, свобода подвергаются в условиях реакции большой опасности. Не случайно редактор предупреждает фельетониста, что последнего могут «упечь» и советует обратиться к «Его П-ву», который специально пришел к редактору, видимо, с целью предостеречь его. «Его П-во» имеет чин генерала. Характерно и обобщающее обозначение его. Это не какой-то крупный чиновник, а именно «его превосходительство» вообще. Здесь применяется прием типиза-

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Там же, № 132, 11 ноября.

⁹⁸ Там же.

 $^{^{99}}$ Там же. На Фонтанке, у Цепного моста, помещался департамент полиции — П. Р.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Там же. Подчеркнуто мною — П. Р.

¹⁰² Там же.

ции, восходящий еще к гоголевской «Шинели». Этот генерал, с чрезвычайно суровым взглядом, распекает автора за направление его фельетонов, предлагает более не писать в прежнем духе, дать понять читателям, что фельетонист раскаялся. Особенно недоволен генерал фельетоном и политическим обозрением газеты. По его словам, в последнем устроен какой-то трибунал, где распинают политических деятелей, в фельетоне же встречаются постоянно такие намеки, которые читающая публика может растолковать «так, что вообразит себе бог знает что», 103 а генерал требует писать так, «чтобы не давать разыгрываться ничьему воображению» 104. Возможно, фельетонист намекал на какие-то конкретные события и лица. Но и независимо от этих намеков перед читателем развертывалась картина грубого и бесцеремонного правительственного давления на прогрессивную журналистику. Характерно, что после этого выступления фельетон появляется на страницах «Современного слова» значительно реже (с 11/XI по 16/XII всего один раз, 25/XI), и в нем затрагиваются сравнительно более безобидные предметы. В фельетоне же от 16 декабря (№ 161) автор объясняет причину своего молчания, сообщает, что пришли последние дни и необходимо покаяться. Прямой смысл этих слов связан с окончанием года. Но имеется здесь, несомненно, и смысл скрытый, намекающий на усиление правительственной реакции, на невыносимо тяжелые условия, в которые была поставлена лучшая часть общества, передовая журналистика. «Мне последнее время как-то и жизнь опостылела, на «Современное слово» не смотрел бы, — замечал фельетонист, и писать для него с тех пор, как я наткнулся у редактора на его знакомого генерала, не было никакой охоты». 105 Автор довольно недвусмысленно заявлял, что он «любит беседовать откровенно, а тут подошла такая линия, что пришлось на свой роток накинуть платок» 106. Эти объяснения отчасти раскрывают причину более редкого появления фельетонов: редакция чувствовала, что они могут привести к запрещению газеты, менять же направление их не хотела. Но дело не только в этом: имели место и прямые цензурные запрещения. Так, фельетон в № 161 сопровождался объяснением редакции, что он был предназначен для предыдущего воскресного номера, но «по обстоятельствам» его не смогли напечатать ранее. Итак, в то время, когда реакционная и либеральная журналистика восхваляла правительственные цензурные преобразования, кричала о «свободе печати», «Современное слово» раскрывало перед читателями мрачную картину все более усиливавшейся цензурной реакции и произвола, прямого правительственного вмешательства в дело обуздания прогрессивной литературы.

Направление «Современного слова» очень четко определяется и прямыми откликами газеты на высказывания о цензурных преобразованиях различных периодических изданий. Совершенно недвусмысленно заявляет редакция о своем отношении к позиции Каткова и других реакционных публицистов, ожесточенная борьба с которыми ведется чуть лм не в каждом номере «Современного слова». Буквально каждый факт, касающийся вопроса о свободе слова, оценивается реакционными изданиями и «Современным словом» с противоположных точек зрения. Так, речь В. Гюго, произнесенная в Брюсселе, вызвала осуждение «Современной летописи» за то, что французский писатель связывал задачи прогрессивной литературы с ниспровержением отживших общественных основ № «Современное слово» же с большим сочувствием относится к этой речи, рассказывает о ней в № 86 (от 14 сентября), возвращается к ней в обзоре в № 91 (21 сентября), называя речь «превосходной», а самого писателя «честнейшим человеком». Но особенно отчетливо разница взглядов проявляется в откликах «Современного слова» по поводу высказываний реакционных журналистов об отношении русской

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Там же, № 161, 16 декабря.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ См. стр. 113.

печати и правительства. Так, в фельетоне в № 72, одев на себя маску благонамеренного обывателя, к которой фельетонист прибегал довольно часто, он в иронически-похвальном тоне излагает точку зрения реакционных публицистов. Фельетонист «упрекает» русскую литературу в мелочности, в том, что она мало участвует в обсуждении и решении важных вопросов, он «не согласен» с теми, которые готовы «извинять свою мелкую деятельность какими-то независящими от них побочными обстоятельствами. Я просто этому не верю <... Меня никто не останавливает. Я ни на кого не могу жаловаться.» 108 Автор «призывает» помогать правительству, высказывать свое мнение о новых проектах и реформах. Правда, он тут же замечает, что правительство не особенно хочет, чтобы литература обсуждала подобные вопросы, но в этом виновато не оно, а сама литература. «Может ли правительство ожидать чего-нибудь доброго и путного от нашей литературы <... Вот если бы в литературе было побольше таких людей, как гг. Катков, Н. Ф. Павлов и Аскоченский, то <...> дело бы пошло на лад. Явилось бы полное, безусловное доверие со всех сторон, и, движимые совокупными усилиями, вопросы подвинулись бы быстро вперед». 109 «Все отговариваются тем, что дескать нельзя говорить, — с иронией замечает фельетонист. — Пусть будет только желание, наверное позволят высказаться откровенно, если только, разумеется, все будут высказываться чинно, приличным тоном, напр., хоть так, как говорит обыкновенно г. Скарятин». 110 Каким же тоном говорит Скарятин, «Современное слово» разъясняло в фельетоне в № 161, где с ироническими похвалами сообщалось о выступлении этого реакционного публициста в № 45—46 «Русского листка» и приводились слова Скарятина о том, что «желанная свобода печати придет гораздо скорее, если литература перестанет щеголять пессимизмом и, не гоняясь за дещевыми лаврами, выскажет твердо и решительно, не конфузясь и не краснея, свое сочувствие к власти, которая, вот уже 7 лет, идет все вперед и вперед». 111

Подобные замечания «Современного слова» самым непосредственным образом перекликаются с той критикой австрийской «свободы печати» и ее русских сторонников, которая давалась на страницах «Современника» 112.

Позиция реакционных изданий по вопросу о свободе печати разоблачается редакцией «Современного слова» и в весьма любопытной статье «Значение независимости и самостоятельности», поводом появления которой послужила полемика Каткова с издателем реакционной газеты «Наше время» Н. Ф. Павловым о праве печатать в частных газетах объявления. «Современное слово» едко высмеивало беспринципность Каткова и Павлова, их продажность, готовность перегрызть друг другу горло из-за прибыли. В то же время в статье, по всей видимости редакционной, критиковались высказывания Каткова об отношении правительства и печати. Катков утверждал, что в России правительственных, официальных газет и журналов нет и не может быть, что даже издания министерств не являются правительственными и никакая газета в своей неофициальной части не может претендовать на правительственную редакцию. Издатель «Современной летописи» старался доказать независимость от правительства изданий реакционного лагеря, самостоятельность своих собственных мнений. «Современное слово» осторожно вскрывало всю несостоятельность доводов Каткова. Оно замечало, что наивно думать будто правительственными являются лишь официальные сообщения, доказывало, что газеты, издающиеся по воле правительства, «должны подчинять рассмотрение всех общественных вопросов видам и взглядам самого правительства». ¹¹³ По словам автора статьи «Современного слова», это вовсе не означает, что правительство само занимается такого рода печатью. Оно

¹⁰⁸ Современное слово, 1862, № 72, 26 августа.

¹⁰⁹ Там же. 110 Там же.

¹¹¹ Там же, № 161, 16 декабря.

 ¹¹² См. стр. 119.
 113 Современное слово, 1862, № 162, 18 декабря.

лишь избирает для этой цели людей, «заслуживающих доверия». Понятно, что они предварительно должны своей деятельностью доказать, «что образ мыслей их заслуживает особенного доверия», а затем «Их смело можно предоставить самим себе, без опасения, чтобы они могли, какою-нибудь неловкостью скомпрометировать правительство, в особенности, если они находятся в близких сношениях с ним» 114. Не исключено, — с иронией замечает автор статьи, что самим этим людям их образ действий будет казаться «не иначе как независимым и самостоятельным». 115 Смысл подобных высказываний «Современного слова» весьма многозначительный. В них подчеркивается зависимость реакционных изданий от правительства, прямая связь с ним, стыдливо скрываемая от читателей. Автор статьи показывал, как дешево стоит мнимая «независимость» и «самостоятельность» подобных чзданий. В то же время в статье проводилась мысль, что правительство заинтересовано именно в Такого рода периодической печати, что подлинно независимая и самостоятельная журналистика враждебна ему, так как она «не должна скрывать невыгодных сторон совершающихся событий», — обязана «подвергать строгой ученой оценке возникающие учреждения» 116 (прямой намек на реформы). «Современное слово», выступая против реакционных высказываний о положении печати, выражало в то же самое время уверенность, что правительство вовсе не заинтересовано в свободе слова, что оно закономерно поддерживает реакционные издания и что никакие иллюзии не могут иметь места. Удар здесь наносился не только в адрес реакционной журналистики,

но и, как в «Современнике», в адрес правительства.

Высменвая такого рода журналистику, «Современное слово» относит к ней и «Отечественные записки», показывая всю несерьезность, поверхностность их либерализма, подчеркивая, что позиции «Отечественных записок» и реакционнейших изданий по существу одинаковы. Иронизируя над доводами хроникера «Отечественных записок» Громеки, доказывавшего, что «Современное слово» ничуть не либеральнее журнала, в котором он сотрудничает, фельетонист «Современного слова» замечал: «Завтра же возьму № Отеч. записок и пойду куда следует для убеждения одного господина в нашей невиновности», ибо кто в России не знает Громеку, «этого истребителя нигилистов, которые замирают от одного запаха его статей» 117. Что же касается «оппозиционных» высказываний «Отечественных записок» (например, 1862, № 11), осуждения в них правительственных репрессий против «Современника» и «Русского слова», против революционно-демократической литературы, то такие высказывания, по мнению «Современного слова», не следует принимать слишком всерьез. Фельетонист газеты Писаревского, скрываясь под маской благонамеренного обывателя, замечает, что и он сам, и Скарятин, и Громека — люди «одного лагеря» и что напрасно Скарятин думает, будто Громека и на самом деле требует свободы слова для «нигилистов»: «г. Громеку г. Скарятин не понял и кажется считает его за врага отечественного порядка, за нигилиста! То-то чистая, непорочная душа! То-то наивность! Он не понял, что время осеннее, дело к подписке подходит, патрон-редактор попросил подпустить краснинки, на это де подписчик идет! А Скарятин, как человек прямой, стоящий за правду открыто, принял все это за чистую монету. Погодите г. Скарятин февраля месяца!» 118 С предельной ясностью высказана здесь мысль о том, что Скарятин и Громека служат одной «правде», только первый — «открыто», второй же, не желая терять кредит у читателей, несколько маскирует свое «служение».

Характерно, что и возобновленный «Современник» резко критиковал «Отечественные записки» за ту лицемерную «защиту» свободы слова и журналов «нигилистического» направления, которая была напечатана в № 11

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Там же, № 126, 4 ноября.

¹¹⁸ Там же.

издания Краевского. В «Кратком обзоре журналов» М. А. Антонович заявлял, что «Современник» гнушается этой «защитой», утверждал, что это — «фарс, но фарс ловкий и искусно рассчитанный <...> чтоб уронить про-

тивника и вознести себя». 119

Разоблачало «Современное слово» несостоятельность и таких выступлений о цензурных преобразованиях, какие печатались в «Дне» и во «Времени». Газета Писаревского показывала всю утопичность надежд на правительство, невозможность реального участия литературы в практической разработке нового цензурного законодательства. В этом плане особенно любопытна редакционная статья «Непродуктивное употребление времени», написанная по поводу полемики Скарятина и Аксакова о том, какие должны быть новые законы о печати. По мнению «Современного слова», эта полемика пуста и бесплодна, так как не может никоим образом повлиять на фактическое решение вопроса: «Непостижимое дело! Люди более всего склонны к непроизводительному употреблению времени. Все любят пускаться в подробности, строить, перестраивать, размещать, и все это делают очень серьезно, как будто нельзя употребить полезнее своего времени». ¹²⁰ Обсуждение «вопросов», которые постоянно поднимает Аксаков, по мнению редакции, относится к такому непроизводительному употреблению времени. Приводя доводы Аксакова и Скарятина, автор статьи замечает, что его выписки не выясняют предмета спора, но он и не стремится к такому выяснению, у него была совершенно другая цель. «Надеемся, что читатели поймут смысл наших слов», добавлял он многозначительно, осуждая тех кто берет на себя «бесплодный труд окончательного, но не обязательного решения», в то время когда здравомыслящие люди опасаются, «что случится такое разрешение вопроса, о котором никто и не догадывался». 121 Чтобы серьезно обсуждать такого рода вопросы, утверждал автор, нужно быть или лицемером или совершенно не понимать тех условий, в которых приходится действовать. Статья «Современного слова» довольно непосредственно примыкает к высказываниям Чернышевского о законах для печати, в частности к его статье «Французские законы по делам книгопечатанья». Не исключено, что и само название статьи «Современного слова» определено в какой-то степени выступлениями Чернышевского. Он ведь тоже решительно заявлял, что обсуждение всерьез подготавливаемых реформ, основанное на вере в добрую волю правительства, ведет к «напрасной растрате сил». 122 Как и Чернышевский, «Современное слово» не ограничивает сферы «непроизводительного употребления времени» рамками толков о цензурных преобразованиях: оно относит сюда вообще все надежды на правительственные реформы, напоминая, как много спорили о судьбе университетов и какой результат вышел из всех этих споров. Разъясняя позицию демократических изданий, собственную точку зрения, «Современное слово» показывает, что эти издания высказали свое мнение настолько, насколько считали «полезным разъяснить обществу сущность вопроса, очень хорошо понимая, какой будет реальный, действительный исход его» 123. «Современное слово» прямо солидаризируется со статьей Чернышевского «Французские законы по делам книгопечатанья», резко критикует Скарятина, демагогически утверждавшего по поводу ее, что Чернышевский — мракобес и реакционер. 124 Процитировав слова Скарятина по поводу статьи Чернышевского, автор «Современного слова» замечает, что Скарятин «не совсем хорошо понял статью, из которой сделал выписку», что ее оценивают совсем по-иному такие люди, которые, «как мы имеем основание думать, хорошо понимают дело и имеют привычку углубляться, насколько нужно, в известный, подлежащий их рассмотрению вопрос. Нужно только читать повнима-

120 Современное слово, 1861, № 9, 10 июня.

¹²¹ Там же.

123 Современное слово, 1862, № 9, 10 июня.

124 См. стр. 118.

¹¹⁹ Современник, 1863, № 1, Современное обозрение, стр. 247—248.

¹²² Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. 5, М., 1950, стр. 765.

тельнее, не останавливаться на отдельных фразах». 125 Здесь очевидна не только солидарность с Чернышевским, но и стремление разъяснить, насколько

можно, читателям революционный смысл его статьи.

Итак, подавляющее большинство высказываний «Современного слова» о цензурных преобразованиях выдержано в духе журналистики демократического лагеря, раскрывает несостоятельность надежд на получение свободы слова от русского самодержавия. Разъясняя свою позицию, газета критикует выступления по разбираемому вопросу не только реакционных, но и либеральных, а также славянофильских изданий. Такая критика часто самым непосредственным образом перекликается с аналогичными высказываниями «Современника». Все это достаточно отчетливо свидетельствует об общем демократическом направлении «Современного слова».

¹²⁵ Там же.